

Змерзлый Б.

Изъятие церковных ценностей. Некоторые аспекты проблемы.

В истории взаимоотношения советского государства и церкви проблема изъятия церковных ценностей до сегодняшнего дня остается одной из самых больных и сложных.

Выяснить, что послужило истинной причиной этого беспрецедентного по своим масштабам в истории явления и каковы последствия произошедшего, нам удастся только сейчас.

Ко времени появления декрета ВЦИК от 16 (23) февраля 1922 г. о насильственном изъятии церковных ценностей партия накопила уже изрядный опыт по части экспроприации имущества религиозных организаций. Законодательная база для этой деятельности была заложена с первых же шагов Советской власти. Знаменитый ленинский декрет от 23 января 1918 г. "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" решительно провозглашал принципы полного лишения религиозных организаций любой собственности: "Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют". Остальное было делом техники, хотя и непростым.

Сразу же экспроприировать имущество более 50 тысяч приходских храмов, 1190 монастырей, лавр, пустынь, скитов новая власть не решалась, да и не имела для этого достаточно силы. И хотя к осуществлению столь грандиозной задачи приступили немедленно, сперва предпочли действия частичные, а не всеобщие. Начали с закрытия, уже в 1918 г., духовных семинарий и епархиальных училищ с их храмами. Основанием к этому стало постановление 5-го заседания госкомиссии по просвещению, в котором, кроме прочего, говорилось: "Бывшие духовные учебные заведения, на чьи бы средства они ни содержались, подлежат закрытию". За подписью секретаря госкомиссии по просвещению И. Альтера.ⁱ

Кроме духовных учебных заведений, закрывали вообще любые домовые и военные церкви, храмы в любых учреждениях. Значительные средства были получены уже к концу 1918 года в результате экспроприации имущества Священного Синода. 4 марта 1918 года Совнарком под председательством Ленина обсуждал вопрос о передаче в ведение НКВД кредитов ликвидируемых церковных учреждений.ⁱⁱ Характерно, что созданная в наркомате в апреле 1918 года комиссия (затем VIII отдел) по осуществлению декрета об отделении церкви от государства стала называться "ликвидационной". Подготовленная этим отделом инструкция от 24/30 августа 1918 года "О порядке применения декрета" предусматривала целый ряд жестких конфискационных мер, включая изъятие капиталов, ценностей, другого имущества церквей и монастырей. Имущество это передавалось на баланс местных Советов.

На практике такое изъятие началось значительно раньше. Уже в январе 1918 года произошел вооруженный захват Александро-Невской и Печерской лавр. Переезд правительства в Москву дал повод для осуществления мер, направленных против функционирования кремлевских монастырей и соборов, – якобы под предлогом безопасности правительства. Затем эта практика стала распространяться на другие столичные храмы и обители. Экспроприации, сопровождаемые расстрелами духовенства и мирян, быстро вышла за пределы столиц.

Вскоре власть пришла к выводу о желательности предпринять все же попытку полной национализации имущества церквей и монастырей уже в 1918 г. И хотя в глобальном виде, с реальным изъятием национализированного имущества, это тогда еще не было осуществлено, руководитель VII отдела НКЮ П.А. Красиков слал на места один за другим приказы с требованием ускорить передачу всего церковного имущества Советам. При этом в апреле 1918 г. поступило разъяснение VIII отдела НКЮ: "Так как имущество монастырей переходит в ведение Советов, сами монастыри должны быть ликвидированы". В 1918-1920 гг. удалось осуществить ликвидацию нескольких сотен монастырей. Действия эти обычно сопровождались конфискацией монастырского имущества, хотя, как правило, проследить дальнейшую судьбу изъятых монастырских ценностей по источникам невозможно.

Одновременно партия стремилась ликвидировать как можно больше церквей. Уже в силу одного этого факта невозможно было позднее, во время всеобщей кампании по изъятию церковных и монастырских ценностей якобы в помощь голодающим, выполнить директиву Политбюро "О проведении изъятия по дореволюционным описям имущества".

На рубеже 1921-1922 гг. продолжают попытки руководителей партии, Советской власти упорядочивать всю эту политику прямых экспроприаций имущества, бывшего ранее собственностью церковных организаций. 27 декабря 1921 г. ВЦИК принимает короткий декрет о судьбе "колоссальных ценностей, находящихся в церквях и монастырях". Декрет требует от местных властей при изъятии, ликвидации и использовании этого имущества различать:

- 1) "имущество, имеющее историко-художественное значение", которое "подлежит исключительному ведению отдела по делам музеев" Наркомпрос и не может отчуждаться без его разрешения;
- 2) "имущество материальной ценности", подлежащее передаче в Госхран;
- 3) "имущество обиходного характера, где оно еще сохранялось", о дальнейшей судьбе которого декрет умалчивает, оставляя ее решения на усмотрение местных властей. Впрочем, ниже критикуются "наблюдающиеся за последнее время ликвидации имущества органами местной власти путем неорганизованной продажи или передачи группам верующих". Но все, что ВЦИК требует здесь, сводится к обязательной музейной экспертизе.

В январе 1922 года Троцкий неоднократно требует упорядочивания дела изъятия ценностей и мона-

стырей. Требования эти вроде бы просто продолжают прежнюю линию, намек на новую широкую кампанию здесь, на первый взгляд, еще нет. Но уже 9 февраля 1922 г. Троцкий в короткой записке одной из "троек" (уполномоченному Президиума ВЦИК по изъятию ценностей Лебедеву, руководителю 8 антицерковного отдела НКЮ Сосновскому, заместителю наркома юстиции П.А.Красикову) подчеркивает: "Мне кажется необходимым сейчас же подготовить Постановление ВЦИК о порядке изъятия и учета церковных ценностей, о порядке их сосредоточения и об установлении им особого государственного счета со специальным назначением на нужды голодающих (хлеб, семена и т.д.)."ⁱⁱⁱ

В тот же день, 9 февраля, когда Троцкий писал записку, само Политбюро рассмотрело и одобрило текст воззвания Патриарха от 6 февраля. Патриарх, разумеется, призывал к добровольным пожертвованиям предметов, не имевших прямого богослужебного применения, что было достаточно далеко от линии Троцкого. На заседании Политбюро 9 февраля Троцкий, правда, отсутствовал. Таким образом, на самом верху пирамиды власти в первой декаде февраля полного единства по вопросу о начале широкой кампании против церкви еще не было.

Однако, хотя разработка декрета ВЦИК от 23 февраля велась по прямому партийному указанию, протоколы заседания Политбюро свидетельствуют, что окончательный текст декрета не прошел процедуры утверждения высшим партийным органом. Если учесть, что в отношении религии и церкви ВЦИК во главе с Калининым занимал более сдержанную позицию, чем Политбюро, можно понять гнев Троцкого, когда, вернувшись из отпуска, он ознакомился с текстом уже опубликованного декрета. Создавая систему комиссий по изъятию церковных ценностей, Политбюро 16 марта 1922 г. констатировало (протокол №113, п.12, №23-10), что дело это "еще не подготовлено" и постановило запросить мнение Троцкого. Последний 17 марта, представляя для обсуждения в Политбюро свой развернутый план по этому вопросу, предваряет его преамбулой с острой критикой действий ВЦИК по подготовке декрета: "В отношении изъятия ценностей сделано было, главным образом Президиумом ВЦИК, все для того, чтобы сорвать кампанию [...]. Декрет об изъятии был издан, но опубликован совершенно независимо от хода подготовки и оказался холостым выстрелом, предупредившим попов о необходимости серьезной подготовки к отпору".

Троцкий считал, однако, что партия вполне может повернуть все мероприятие в задуманное им русло, более отвечающее генеральной линии партии воинствующих материалистов: "Думаю, что дело можно поправить, если поставить его в центре внимания партии."

С принятием ВЦИК декрета от 16(23).02.1922 г. об изъятии церковных ценностей началась сложная борьба за его интерпретацию и масштабная общерусская кампания изъятия. Экспроприация веками копившихся в храмах ценностей потребовала энергичных усилий всего карательного и политико-идеологического аппарата страны, повседневного руководства и корректирования со стороны Политбюро и непосредственно главных вождей. Достаточно сказать, что связанные с этой кампанией вопросы в решающие недели весны 1922 г. ставились почти на каждом заседании Политбюро, между которыми к тому же не раз проводились опросы. На это крупное дело сразу же был нацелен весь механизм ГПУ. Главные чекисты не только руководили неизбежным широкомасштабным применением насилия, претворяя в жизнь директивы центрального партийного штаба, но и оказывали активное воздействие на выработку линии Политбюро. Но все же бразды правления всеми принципиальными моментами дела твердо держало в своих руках Политбюро. Главным двигателем широкой операции по разгрому РПЦ оставался Л.Д. Троцкий, действовавший при непосредственной поддержке прежде всего В.И. Ленина, а затем И.В. Сталина. В.М. Молотов, бывший тогда фигурой несамостоятельной, все же позволяет иногда некоторую оппозицию по отношению к глобальному (троцкистско-ленинскому) плану разгрома РПЦ и искоренения религии. Изредка отдельные возражения заявляли Каменев с Зиновьевым, явно из опасения слишком обострить обстановку в Москве и Петрограде. Еще более сдержанной по отношению к планам Троцкого была позиция М.И. Калинина, стремившегося по возможности особенно не отходить от объявленной официальной цели кампании – помощи голодающим. Но именно его руководство партии избрало в качестве главного прикрытия своих действительных целей – и он послушно эту роль исполнял, подписывая все заготовленные Троцким и Уншлихтом бумаги, давая за своей подписью составленные другими интервью и статьи в газетах.

Политбюро 20.03. утвердило без изменений основные предложения Троцкого о создании во всех губерниях "секретных подготовительных комиссий" для руководства изъятием церковных ценностей, в состав которых обязательно включаются "комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела". Для их прикрытия на местах создаются "официальные комиссии или столы"; в центре роль такой ширмы отводилась Помголу во главе с тем же Калининым.

Так каковы же были цели проводимой государственной кампании? Как мы знаем из истории Советского государства, цели, которые оно декларирует, и цели, которых оно добивается, могут быть или, как правило, бывают совершенно разными.

В данном случае официальную политику и цели в проведении кампании по изъятию церковных ценностей объясняло постановление ВЦИКа от 23 февраля 1922 г., бывшее лишь дополнением к январскому декрету об изъятии музейного имущества. В нем говорилось: "Предложить местным Советам немедленно изъять из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Минфина со специальным назначением в фонд ЦК

ПОМГОЛ”^{iv}

О политических целях кампании В.И. Ленин сказал так: “... я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий”. И далее он рекомендовал арестовать “как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей.”^v

Объясняя, почему именно сейчас наносится такой сильный удар по церкви, В.И. Ленин в письме к В.М. Молотову пишет: “для нас именно этот момент являет собой не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы имеем 99 из 100 шансов на полный успех разбить противника, и именно теперь и только теперь огромное большинство крестьянской массы будет не в состоянии поддерживать хоть как-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства, ... которые могут и хотя бы испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету”.^{vi} И все же в этот период было отмечено 1414 столкновений между уполномоченными представителями власти и церковниками. По известным случаям в течение 1922-23 гг. были физически уничтожены 2691 священник, 1962 монаха и 447 монахинь, всего 8100 человек.^{vii}

В ходе кампании крупные судебные процессы с последующими массовыми расстрелами духовенства прошли в Москве, Петрограде, Шуе, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе, Симферополе.

Голод 1921 г. охватил Поволжье, Башкирию, Южный Урал, север и запад Казахстана, юг Украины. Еще совсем недавно причиной голода считали тяжелое экономическое положение страны, упадок сельского хозяйства в связи с империалистической войной, гражданской войной, борьбой против иностранной и внутренней контрреволюции, кризисом транспорта, а также природными факторами – засухами 1920 и 1921 гг. Но одной из важнейших причин голода 1921 г. была политика продрозверстки и насильственное выкачивание ресурсов из сел, когда запасов хлеба не оставалось даже на посевную. И в условиях мирного строительства РКП(б) не могла, да и не хотела отказываться от этой политики. Особенно пагубной эта политика оказалась для Украины, выкачивание хлеба из которой с каждым годом принимало все более угрожающие размеры. В условиях запрета рыночной реализации хлебных излишков, крестьяне не имели заинтересованности в развитии производства зерна, и уменьшились посевы в Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниях. Засуха 1920 и 1921 гг. завершила дело. В Украину пришел голод.

В сложной экономической и политической ситуации Россия и Украина начинают борьбу с голодом. Государственные органы и общественные организации немало сделали для спасения людей. Однако далеко не все возможности и резервы были использованы. И тогда встает вопрос об изъятии церковных ценностей, за счет которых государство решило закупить хоть какую-то часть необходимого зерна.

Но была ли необходимость таких конфискации в 1922 году?

Однозначно ответить на это сложно. Утверждения о том, что церковь ограничилась только призывами духовенства к народу и почти не занималась реальной помощью голодающим, мягко говоря, – преувеличение.

Для подтверждения этой версии часто приводятся факты о монастырских запасах продовольствия, других материальных ценностях, которые церковники предпочли лучше закопать, нежели передать Советской власти. Так, в Соловецком монастыре во время обыска было найдено 1415 мешков с мукой, рисом, сахаром. Монахи Холмогорского монастыря закопали 200 золотых и серебряных вещей. Эти факты действительно имели место, но задолго до того, как со всей остротой летом 1921 г. встал вопрос о помощи голодающим. До конца 1920 г. из монастырей уже было изъято имущество более чем на 4 миллиарда рублей.^{viii}

Однако даже во время изъятия ценностей многое монахам удалось спрятать. Так, в газете “Красный Крым” за 8 января 1925 года была опубликована статья об обнаружении скрытых ценностей в Киево-Печерской лавре. ГПУ было обнаружено 350 каратов бриллиантов, 50 каратов алмазов, несколько десятков каратов рубинов, сапфиров и жемчуга, полтора пуда золота, пуд червонного золота, 40 пудов серебра. Если смотреть в контексте того голодного времени, то эта сумма будет более чем значительна.

Но ведь не все было так однозначно, еще летом 1921 г. патриарх Тихон, другие православные иерархи искали возможность участия религиозных организаций в борьбе с голодом. Патриарх провел несколько богослужений, во время которых призывал верующих делать денежные пожертвования, которые должны были пойти на помощь голодающим. Но он понимал, что для этой работы должна быть создана специальная организация. Уже 17 августа он направил в ВУВК письмо, где писал: “Православная церковь никогда и ни при каких обстоятельствах не проходила мимо страшных для русского народа бед. Так и сегодня, во время голода. ... Я уже обратился через представителей церковной власти к народам тех стран, которых Господь благославил щедрым хлебным урожаем, с призывом помощи голодающему населению России. Сегодня же, считая священной для себя обязательностью обратиться ко всем верующим чадам церкви русского духовенства и мирян – с обращением к чувствам христианского милосердия взять самое широкое и деятельное участие в оказании помощи всем тем, кто пострадал и страдает от голода.

... Вся работа церкви в этом направлении будет проходить под моим общим руководством и надзором.

Для непосредственного руководства как за сбором пожертвований (денежных, вещественных и продовольственных) в Москве и в провинции. Так и разделом ее на местах через соответственно заново созданные с той же целью церковные организации мною созданный в Москве Церковный комитет из духовенства и мирян.”^{ix}

Необходимыми условиями успешной деятельности церковного комитета патриарх считал:

- 1) право собирать средства с помощью устных проповедей, издания обращений, духовных концертов и т.д.;
- 2) самостоятельный раздел по соглашению ВЦКК помощи голодающим всех национальностей;
- 3) помощь государства уполномоченным Церковного комитета в поездках по стране;
- 4) запрещение государственным органам реквизировать имущество комитета.

Президиум ЦК Помгола (Помгол – комиссия, созданная в 1921 г.), получив письмо патриарха, провел заседание, на котором был признаны выгоды создания церковного комитета.

После опубликования патриархом Тихоном обращений к верующим в храмах начался сбор средств. Однако уже через несколько дней члены внеправительственного Всероссийского комитета помощи голодающим были заподозрены в контрреволюционной деятельности, и под давлением Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об аресте его членов. Вскоре в “Правде” было опубликовано правительственное сообщение о роспуске этой общественной организации. Отныне все денежные поступления должны были сдаваться комиссии, образованной ВЦКК. Даже после такого удара от Советской власти церковь не лишилась желания помогать голодающим. Лучше всего об этом пишет сам патриарх Тихон в своем воззвании: “Однако в декабре Правительство предложило нам делать, при посредстве органов церковного управления (Священного Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального Совета, Благодичного и церковно-приходского совета), сборы деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающим драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, – о чем и оповестили православное население 6/19 февраля с/г особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения. Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах, по отношению к духовным руководителям Церкви, 13/26 февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад наших.

... мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею, как святотатство, мирянин отлучением от Нея, священнослужитель извержением из сана.”^x

Но изъятия продолжались и с каждым днем во все большем масштабе, не считаясь с человеческими жизнями, ни с отношением к этим деяниям мировой общественности. В литературе встречаются упоминания о том, что в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. в стране прошло 231 судебное дело, на коих были вынесены приговоры 732 человекам.^{xi} Для документальной проверки всех этих цифр, увы, время еще не пришло: необходимо погубернское выявление и сопоставление всех свидетельств, сохранившихся в центральных и местных архивах.

Зато дело 23 фонда Политбюро АПРФ однозначно подводит, наконец, цифровой итог другим достижениям партии в ходе кампании по изъятию. Речь идет об общей денежной оценке всего изъятого у церкви в 1922 г. Подводя итог отчетам губернских КИЦЦ и другим донесениям с мест, ЦК Последгола рапортовал 04.11.1922 г. в Секретариат ЦК о выполнении задачи по изъятию, представив “ведомость количества собранных церковных ценностей по 1-е ноября 1922 г.”. Судя по сводкам ГПУ, вся кампания по изъятию к этому времени в основном закончилась, хотя отдельные изъятия продолжались и в следующие годы. Документ заверен подписью – автографом заместителя Калинина по Помголу-Последголу А.И. Винокурова.

Согласно этому документу, всего было изъято: золота – 33 пуда 32 фунта, серебра – 23997 пудов 23 фунта, бриллиантов – 35670 штук и т.д. В конце ведомости общая оценка всего изъятого (не включившая, правда, стоимость 964 “антикварных вещей”): 4650810 р. 67 к. в золотых рублях.^{xii}

На Украине к 24 (червня) 1922 года было изъято: золота 3 пуда 2 фунта 28 золотников, серебра 2850 пудов 30 фунтов 3 золотника.^{xiii} Больше всего было изъято в Харьковской, Донецкой, Киевской и Полтавской губерниях.

Ленин в письме от 19.03.1922 г. надеялся на получение многих сотен миллионов или даже нескольких миллиардов золотых рублей. Троцкий тоже считал возможным добыть церковных сокровищ на несколько миллиардов золотых рублей. Если вернуться к упомянутым выше “антикварным вещам” и посмотреть дело №93 фонда Политбюро, то мы увидим: “Эксперты Госхрана “т.г. Фаберне А.К., Масеев, Бос, Франц” в письме от 19 мая 1922 г. на имя Базилевича сообщили о принципах произведенной ими “оценки драгоценностей бывшего Императорского Двора.” Они подчеркивали, что их оценка ни в коем случае не является завышенной, ибо в первую очередь бралась во внимание “действительная ценность камней”, их подбор, художественность выполнения и лишь затем – “их историческое значение”. Эксперты оценили в 375 млн.

золотых рублей одни только коронационные регалии (большая и малая короны, скипетр, держава, цепь Андрея Первозванного, орден). Они подчеркивали, что даже при недопустимой оценке "как товар или лом" "этот сказочный подбор бриллиантов во главе с историческим камнем "Орлов" (описанным в целом ряде научных изысканий) и крупным шпилем (каковой по своей величине первый в мире)" пойдет за огромные миллионы. Из документа следует, что А.И. Рыков уже интересовался "возможностью реализации коронационных ценностей на заграничном рынке у Фаберже и у Ферснапа. Он получил ответ, что это "безусловно возможно при особо осторожном подходе к этой операции, не торопясь".^{xiv}

В этом контексте очень интересно проследить письмо Троцкого от 23 марта 1922 г. Троцкий пишет Ленину, Красину и Молотову: "...для нас важнее получить в течении 22-23 гг. за известную массу ценностей 50 миллионов, чем надеяться в 23-24 гг. получить 75 миллионов". Причину этой спешки Троцкий видит даже не в ужасах голода, а в близости победоносной мировой революции: "Наступление пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран, совершенно застопорит рынок ценностей: буржуазия начнет вывозить и продавать, рабочие станут конфисковывать и пр."^{xv} Это одно из самых поразительных свидетельств готовности большевистских лидеров идти в разрушении своей страны до конца ради верности перманентной мировой революции. Троцкий сравнительно рано понял крах своих надежд на конфискацию миллиардов рублей церковного золота. В своем письме Уншлигу, Белобородову и Красикову 25.04.1928 г. он констатирует, что "главные церковные ценности" изъяты по декрету 23.02.1922 г. не удалось. Троцкий считает, что они "уплыли за годы революции".

Конечно, доля истины в словах Троцкого о том, что ценности из русских церквей в основном "уплыли за годы революции", есть. Только в главной массе своей – отнюдь не за рубеж. С начала 1918 г. РПЦ подвергалась многочисленным и хаотичным революционным экспроприациям. Значительная часть территории страны была опустошена фронтами гражданской войны и подавлением крестьянских восстаний 1921 г. Частыми были случаи вполне уголовных грабежей, от которых подчас не очень уж сильно отличались реквизиции самых различных центральных и местных властей.

Например, уже в январе 1918 г. у Синода РПЦ было изъято ценных бумаг и других активов на сумму 46 млн. рублей.^{xvi} Немало ценностей "уплыло" (по терминологии Троцкого) во время кампании 1918-1919 гг. по вскрытию мощей русских святых. Так, в октябре 1918 г. в Александро-Свирском монастыре при вскрытии вооруженным отрядом ВЧК раки святого было конфисковано в монастырских тайниках около 40 пудов серебра "в церковных изделиях". Они были поделены между местным комбедом, музеем и ТубЧК.^{xvii} Сколько же ценностей было разграблено или просто "утрачено" во время самой кампании, стоит только догадываться.

Итак, основные средства и ценности были изъяты к 04.11.1922 г. Но на что же пошли таким отчаянным трудом добытые в 1922 г. церковные ценности? На хлеб для голодающих, на денежную реформу Г.Я. Сокольникова, на индустриализацию? Итоговая ведомость А.Н. Винокурова позволяет теперь ответить на этот вопрос.

Из 4,6 млн. собранных рублей еще до развертывания массовой кампании было решено, по предложению Троцкого, истратить 1 млн. золотых рублей на закупку хлеба для голодающих и развернуть вокруг этого широкую агиткампанию. Для оценки остающейся суммы изъятого стоит вспомнить сметы на расходы по проведению самой кампании: никакой документации по расходованию только на голодающих особого фонда, составленного из изъятого имущества (как предписывалось декретом 16/23/02.1922 г.) не обнаружено. Механизм контроля за этим расходованием (включая контроль духовенства и верующих), несмотря на все требования снизу, создан не был. Между тем составленная лишь на один апрель 1922 г. смета технических расходов Московской, Петроградской и губернских КИЦЦ была утверждена Малым СНК в сумме 1 559 592 золотых рубля (запрашивали 2 000 006).

Это только расходы на упаковочные материалы, грузчиков, транспорт, с прибавлением части расходов на агиткампанию и на московское совещание обновленческого духовенства.^{xviii}

Учитывая все это, вряд ли будет преувеличением сказать, что собранные церковные ценности пошли в первую очередь на саму кампанию по изъятию или, точнее говоря, на кампанию по расколу и разгрому Русской Православной Церкви.

Кампания по изъятию церковных ценностей не могла благоприятствовать упрочению контактов между властью и народом, решение религиозного вопроса такими методами вызывало протест и непонимание не только большей части населения страны, но и международных общественных и религиозных организаций. В ходе проводимой кампании было уничтожено и навсегда утрачено большое количество ювелирных изделий, которые имели исключительное историческое или художественное значение. Подводя общий итог проведенной кампании, следует признать, что она не оправдала себя ни экономически, ни политически, ни морально-психологически. Голодающее население получило лишь небольшую часть ожидаемого хлеба, были утрачены бесценные памятники культуры культового происхождения, экономически и политически разгромленная церковь в глазах народа лишь приобрела ореол мученичества. Все вышеперечисленные аспекты и нарастающее общее недовольство действиями власти предопределили вынужденный в будущем маневр 1923 г., когда от не оправдавших себя в мирное время военно-коммунистических методов ведения внутренней политики пришлось отказаться.

-
- ⁱ ЦГАК. Р-663. Оп.10. Д №380. Лист №7.
- ⁱⁱ ГАРФ ф.130. оп.23. д.9. л.181; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.,1991. – С.46-47.
- ⁱⁱⁱ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925гг. – М.,1997.
- ^{iv} Известия. – 1922. – 26 февраля.
- ^v Известия ЦК КПСС. – 1990. – №4. – С.152.
- ^{vi} Ленин.В.И. Письмо В.М.Молотову для членов политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. Известия ЦК КПСС – 1990. – №4. – С.192.
- ^{vii} Поспеловский Д.В. Русская православная церковь при Советской власти. 1917-1988 г. – Нью-Йорк, 1984. – Т.1. – С.90.
- ^{viii} Гашенко “Православ’я в Україні”. – Полтава,1995.
- ^{ix} Алексеев В. Иллюзии и догмы. – М.,1991. – С.193.
- ^x Опубликовано: Вестник русского студенческого христианского движения. –1970. – №98. – С.61-63. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом приемстве высшей церковной власти. 1917-1943. – М.,1994. – С.188, 190; Протоирей В. Устин. История Русской Православной Церкви. 1917-1990. – М.,1994. – С.231, 232. Архив Патр./ Известия. – 1991. – 25 января.
- ^{xi} Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917-1945. – Париж, 1977. – М.,1997.
- ^{xii} Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. – М.,1997.
- ^{xiii} ЦДАТОУ. Ф.І.–Оп.20. – С.995. А.29.
- ^{xiv} АПРФ ф.3, оп. 30, д. 93, л. 63-об. Архивы Кремля Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров, – М.,1997.
- ^{xv} Там же, № П-57.
- ^{xvi} Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – С.46.
- ^{xvii} Там же. – С.74-76.
- ^{xviii} № 23-54 Архивы Кремля. Политбюро и церковь. – М., 1997.; ГАРФ. ф. 130, оп. 6, д. 61, л. 117-118, 171, С. 82.